

Поддержка политики равного и неравного распределения доходов: роль воспринимаемых угроз

Прусова И. С.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Горохова А. С.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0318-5755>, e-mail: asgorokhova@edu.hse.ru

Цель. Анализ роли воспринимаемых угроз в поддержке политики равного и неравного распределения доходов.

Контекст и актуальность. Глобальные кризисы влияют на социально-экономическое благополучие людей, вызывая различные страхи. Результаты многочисленных исследований показывают, что переживание личных, социальных угроз, представление о мире как опасном или конкурентном приводят к поддержке установок, легитимизирующих неравенство в экономической сфере. Однако в таких работах не рассматривались страны постсоветского пространства, в которых, наряду с меритократическими ценностями, принцип эгалитаризма также может выполнять защитную функцию. В связи с этим возникает вопрос о роли воспринимаемых угроз в поддержке различных принципов распределения доходов в российском контексте.

Дизайн исследования. В настоящем исследовании была построена модель, в рамках которой переживание личных угроз (страх смерти), социальных угроз (социально-экономического неравенства и бедности), представление о мире как опасном или конкурентном (вера в опасный мир и вера в конкурентный мир) рассматривались в качестве предикторов поддержки политики равного и неравного распределения доходов, социально-демографические характеристики рассматривались в качестве контрольных переменных.

Участники. В исследовании приняли участие 582 жителя России (49% мужчин, 51% женщин) в возрасте от 18 до 74 лет ($M = 37,38$; $SD = 11,27$).

Методы (инструменты). Участникам исследования предлагалось заполнить русскоязычные версии методик: «Отношение к смерти» (П.Т.П. Вонг и др.; К.А. Чистопольская и др.), «Вера в опасный мир» и «Вера в конкурентный мир» (Дж. Дакит и др.; О.А. Гулевич и др.), «Шкала финансовой угрозы» для измерения переживания угрозы бедности и социально-экономического неравенства (З. Марьянович и др.; И.С. Прусова и др.) и «Поддержка равного/неравного распределения доходов» (Дж.Р. Ключель и Е.Р. Смит; И.С. Прусова и др.).

Результаты. Результаты моделирования структурными уравнениями показали, что протестированная модель находит полное соответствие данным: $\chi^2(378) = 847$; $RMSEA = 0,046$ [0,042; 0,050]; $SRMR = 0,051$; $TLI = 0,937$; $CFI = 0,944$. Страх смерти и вера в конкурентный мир вносят положительный вклад в поддержку политики неравного распределения доходов, в то время как вера в опасный мир и переживание угрозы социально-экономического неравенства — в поддержку политики равного распределения доходов.

Основные выводы. Ответ на воспринимаемые угрозы не является универсальным и напрямую зависит от специфики данных угроз. Переживание личных угроз актуализирует стремление к материальной выгоде, что находит выражение в поддержке политики неравного распределения доходов. Переживание социальных угроз приводит к поддержке политики равного распределения доходов как гарантии сохранения социального порядка в условиях повышенной неопределенности.

Ключевые слова: социальные верования; политика распределения доходов; страх смерти; вера в конкурентный мир; вера в опасный мир; социально-экономические угрозы.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

Для цитаты: Прусова И.С., Горохова А.С. Поддержка политики равного и неравного распределения доходов: роль воспринимаемых угроз // Социальная психология и общество. 2025. Том 16. № 1. С. 70–88. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160104>

Support of Equal and Unequal Income Distribution: the Role of Perceived Threats

Irina S. Prusova

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Anna S. Gorokhova

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0318-5755>, e-mail: asgorokhova@edu.hse.ru

Objective. *Analysis of the role of perceived threats in support of equal and unequal income distribution.*

Background. *Global crises affect people’s socio-economic well-being by causing various fears. Internal threats, subjective perception of threats and societal threats lead to the support of attitudes that legitimize inequality in the economic sphere. Previous research did not examine post-Soviet countries where egalitarianism, along with meritocracy, could also represent a defense ideology. This induces the question about the role of perceived threats in support of different principles of income distribution in the Russian context.*

Study design. *The current study tested a model in which internal, societal threats, subjective perception of threats were included as predictors, support for equal and unequal distribution — as dependent variables, and socio-demographic characteristics — as control variables.*

Participants. *582 participants in Russia (49% of men, 51% of women) aged from 18 to 74 years ($M = 37,38$; $SD = 11,27$) took part in the study.*

Measurements. *Study participants completed questionnaires on the fear of death (Wong et al.; Chistopol’skaya et al.), belief in a dangerous world and belief in a competitive world (Duckitt et al.; Gulevich et al.), support of equal or unequal income distribution (Kluegel & Smith; Prusova et al.), and financial threat scale to measure threats of socio-economic inequality and poverty (Marjanovic et al.; Prusova et al.).*

Results. *The results of the structural equation modeling showed the adequate fit of this model: $\chi^2(378) = 847$; $RMSEA = 0,046$ [0,042; 0,050]; $SRMR = 0,051$; $TLI = 0,937$; $CFI = 0,944$. Fear of death and belief in a competitive world positively contribute to support of unequal income distribution,*

while belief in a dangerous world and threat of socio-economic inequality enhanced support for equality in income distribution.

Conclusions. *The response to perceived threats is not universal and directly depends on the specifics of the threat. Internal threats actualize the desire for material profit, leading to support of unequal income distribution. Societal threats lead to support of equal income distribution as a guarantee of preserving social order under increased uncertainty.*

Keywords: *social beliefs; equal and unequal income distribution; fear of death; belief in a competitive world; belief in a dangerous world; socio-economic threats.*

Funding. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

For citation: Prusova I.S., Gorokhova A.S. Support of Equal and Unequal Income Distribution: the Role of Perceived Threats. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2025. Vol. 16, no. 1, pp. 70–88. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160104> (In Russ.).

Введение

Согласно Докладу о мировом неравенстве, уровень глобального неравенства остается высоким (10% населения располагает 52% глобального дохода и 76% глобального богатства) [13]. Результаты опросов общественного мнения в России показывают, что угроза социальной несправедливости и неравенства выступает одним из ключевых страхов среди россиян [2]. Социально-экономическое неравенство может как приводить к ряду негативных последствий в экономической (снижение темпов развития, объема инвестиций) и социальной (снижение эффективности системы здравоохранения, возможностей для социальной мобильности и рост преступности) сферах, так и оказывать влияние на психологическое благополучие людей [32; 40].

Парадоксальным образом в странах с высоким уровнем социально-экономического неравенства отмечается его недооценка в обществе и, более того, поддержка установок, легитимизирующих неравенство [14; 15]. Среди таких установок можно выделить ориентацию на социальное доминирование

(поддержка существующей в обществе иерархии и неравенства), принятие существующей системы отношений в экономической сфере (представление о том, что экономическое неравенство естественно и законно, а рыночные исходы — справедливы), меритократию (представление о том, что успех и восходящая мобильность являются результатом личных усилий), политику неравного распределения доходов (представление о том, что социально-экономическое равенство недостижимо и негативно влияет на общество) и консерватизма (поддержка традиционных общественных институтов и свободного рынка) [22]. Результаты метаанализа показывают, что представленные установки можно рассматривать как взаимозаменяемые [23].

В рамках теории обоснования существующей системы отношений распространённость установок, легитимизирующих неравенство, обусловлена тем, что их поддержка приводит к реализации паллиативной функции, восстановлению воспринимаемого контроля и субъективного благополучия [22]. Предполагается, что социальная иерархия предлагает

«определенную» и «предсказуемую» форму организации общества и понятный механизм для достижения благополучия [17; 18].

В изучении установок, легитимизирующих неравенство, в контексте совладания с глобальными кризисами особый интерес приобретает анализ воспринимаемых угроз как потенциального источника снижения воспринимаемого контроля [23]. При изучении вклада воспринимаемых угроз в поддержку установок, легитимизирующих неравенство, Дж. Джост предлагает три кластера угроз: переживание личных угроз (страх смерти), социетальных угроз (экономического кризиса, бедности, неравенства) и социальные верования (вера в опасный мир и вера в конкурентный мир) [22]. При столкновении с представленными угрозами отмечается сдвиг в сторону большей поддержки установок, направленных на сохранение существующего порядка и неравенства как устойчивейшей формы организации общества (в том числе ориентации на социальное доминирование, меритократии, принятия существующей системы отношений в разных сферах, политики неравного распределения доходов и политического консерватизма) [23]. Причем отмечается относительно устойчивый эффект переживания социетальных ($r = 0,47$) и личных ($r = 0,50$) угроз и представлений о мире как опасном или конкурентном ($r = 0,29$) [22].

Однако в отдельных исследованиях отмечаются противоречивые результаты относительно последствий воспринимаемых угроз [5; 23]. Например, в одних исследованиях страх смерти (тревога от осознания неизбежности смерти) как пример переживания личной угрозы приводит к большей поддержке политического консерватизма,

в других — либерализма, или вовсе отмечается отсутствие связи между переменными [23]. В России переживание страха смерти вносит положительный вклад в поддержку доминирования (одобрение иерархических отношений между группами), но при этом отмечается отсутствие эффекта в отношении антиэгалитаризма (поддержка межгруппового неравенства) [5]. Различия в полученных результатах могут соотноситься с особенностями содержания культурного мировоззрения [12]. В рамках теории управления страхом смерти актуализация мыслей о смерти приводит к поляризации культурного мировоззрения (имеющихся у людей взглядов): например, в ситуации угрозы либералы демонстрируют сдвиг в сторону поддержки либеральных идей, консерваторы — консервативных [12].

Вера в опасный мир (представление об обществе как об опасном месте, где «плохие» люди представляют угрозу для ценностей и образа жизни «хороших» людей), как пример социальных верований, в одних исследованиях показывает положительную связь с принятием существующей системы отношений в экономической сфере, а в других — отрицательную связь с принятием существующей системы отношений в социальной сфере [23; 30]. Представление о мире как об угрожающем и непредсказуемом месте может приводить к поиску решений, которые связаны со снижением воспринимаемой опасности [16]. В зависимости от рассматриваемой сферы такие решения могут различаться. Например, вера в опасный мир может повышать чувствительность к проблемам в социальной сфере как индикаторам несовершенства существующего устройства (рост социально-незащищенных групп на-

селения, повышение преступности) и, как следствие, приводить к снижению готовности принимать устоявшийся порядок [23; 30]. В экономической сфере, наоборот, социальная иерархия как устоявшийся порядок, а вместе с ней и потенциальные возможности для изменения занимаемого положения (например, воспринимаемой восходящей социальной мобильности) могут восприниматься как более эффективные решения для совладания с неопределенностью [27].

При этом вера в конкурентный мир (представление об устройстве общества, в котором ключевую роль играют конкуренция и борьба за ресурсы) показывает относительно устойчивые результаты в поддержке установок, легитимизирующих неравенство (в том числе оправдания экономической системы, ориентации на социальное доминирование и экономического консерватизма) [23]. Содержание представленной угрозы включает как определенный источник, так и единственно возможный тип взаимодействия в виде «конкуренции» для совладания с ней [16]. В этом случае неравенство и социальная иерархия предлагают систему координат для достижения желаемого положения и оценки потенциальных возможностей для его изменения. Для снижения воспринимаемой угрозы ключевым решением выступает достижение высокого положения в социальной иерархии с большим количеством ресурсов, что проявляется в поддержке установок, легитимизирующих такое устройство общества [16].

Переживание социетальных угроз (неравенства, бедности, безработицы, экономического кризиса) также в одних исследованиях приводит к большей поддержке политического консерватиз-

ма, а в других — левых взглядов в экономической сфере [22]. Социетальные угрозы могут выступать индикатором нестабильности существующей системы. В рамках теории компенсаторного контроля актуализация социетальной угрозы приводит к универсальному ответу в виде поддержки установок, способствующих восстановлению контроля [26]. Результаты исследований в России показывают, что в условиях коллективной угрозы отмечается увеличение поддержки контроля в политической и экономической сферах, что при этом соотносится с консерватизмом в политической сфере, но либерализмом — в экономической [4; 33].

Помимо особенностей реакции на разные воспринимаемые угрозы, большую роль играет и содержание установок, легитимизирующих неравенство, которое в разных культурных контекстах может различаться [11]. Например, принятие существующей системы отношений в США положительно связано с экономическим, социальным и политическим консерватизмом, во Франции — с поддержкой левых взглядов на политическом континууме, в то время как в странах постсоветского пространства отмечается отсутствие связи между представленными переменными [11]. В США и Франции на уровне социальных представлений содержание принятия существующей системы отношений соотносится с исторически сложившимися принципами «желаемого» устройства общества (меритократии или эгалитаризма), в то время как в странах постсоветского пространства отсутствие связи может свидетельствовать о трансформационном периоде в определении ценностей и принципов распределения доходов [11; 29]. Например, результаты опросов

общественного мнения показывают, что равные доли россиян связывают с принципом «социальной справедливости» как то, что «положение каждого члена общества определяется его трудовыми усилиями», так и то, что «уровень жизни должен быть одинаковым» [7]. При этом в странах постсоветского пространства отмечается отсутствие связи между ценностями эгалитаризма и меритократии, что проявляется в отсутствии дихотомии данных принципов на уровне представлений [4; 38].

В исследованиях вклада воспринимаемых угроз в поддержку установок, легитимизирующих неравенство, больший фокус уделяется меритократии и неравенству, что оставляет открытым вопрос об эгалитарных ценностях и принципе равного распределения, особенно в странах с историей социалистического устройства [22]. Учитывая особенности культурного контекста в России, разной интерпретации ценностей эгалитаризма и меритократии, содержания установок, легитимизирующих неравенство, в рамках настоящего исследования основной фокус сосредоточен на изучении политики распределения доходов, включающей два независимых принципа — равного и неравного распределения доходов. Таким образом, цель настоящего исследования — изучить роль воспринимаемых угроз в поддержке политики равного/неравного распределения доходов в России.

Для реализации цели настоящего исследования была эмпирически проверена модель, в которой переживание личных (страх смерти), социетальных (социально-экономического неравенства и бедности) угроз, представления о мире как опасном (вера в опасный мир) и конкурентном (вера в конкурентный мир) рассматривались в каче-

стве предикторов, поддержка равного и неравного распределения — в качестве зависимых переменных, социально-демографические характеристики — в качестве контрольных переменных. Как показывают кросс-культурные исследования, социально-демографические характеристики (пол, возраст, доход) могут влиять на поддержку установок, легитимизирующих неравенство [9; 31; 39]. Например, результаты исследований показывают, что в большей степени неравенство «оправдывают» женщины, люди с низким уровнем дохода и образования [9; 31; 39].

Метод

Схема проведения исследования.

Участникам исследования предлагалось заполнить онлайн-опрос, разработанный на платформе SurveyMonkey. В рамках опроса участникам исследования предлагалось заполнить форму информированного согласия, после чего такие методики, как «Отношение к смерти», «Вера в опасный мир», «Вера в конкурентный мир», «Шкала финансовой угрозы» для измерения переживания угрозы бедности и социально-экономического неравенства, «Поддержка равного/неравного распределения доходов».

Выборка исследования. Опрос был проведен в мае 2023 года, рекрутирование респондентов проводилось на платформе «Яндекс.Голока». В исследовании приняли участие 582 россияне (51% женщин, 49% мужчин) в возрасте от 18 до 74 лет ($M = 37,38$; $SD = 11,27$). Участники исследования получали небольшое денежное вознаграждение за участие. В итоговой выборке медианный доход на человека в месяц составил от 30000 до 40000 рублей. Почти половина респондентов (44%) имели законченное высшее образование и еще 9%

находились в процессе его получения на момент заполнения анкеты. Треть респондентов (30%) закончили среднее специальное образование, и еще 11% — среднее. Большинство респондентов (91%) считают себя людьми русской национальности.

Методики исследования

Для измерения *страха смерти* использовалась шкала «Страх смерти» из методики «Отношение к смерти», разработанной П.Т.П. Вонг и др. (1994) и адаптированной К.А. Чистопольской и др. (2017), состоящая из 4 утверждений ($\alpha = 0,92$; например, «Перспектива собственной смерти вызывает у меня беспокойство») [8; 41]. Респонденты оценивали утверждения по 7-балльной шкале, где 1 — «абсолютно не согласен», а 7 — «абсолютно согласен».

Для измерения *веры в опасный мир* использовалась методика, разработанная Дж. Даккитом и др. (2002) и адаптированная О.А. Гулевич и др. (2014), состоящая из 5 утверждений ($\alpha = 0,84$; например, «В этом мире, где все выступают против всех, нужно быть безжалостным») [1; 16]. Респонденты оценивали утверждения по 7-балльной шкале, где 1 — «совершенно не согласен», а 7 — «совершенно согласен».

Для измерения *веры в конкурентный мир* использовалась короткая версия методики, разработанной Дж. Даккитом и др. (2002) и адаптированной О.А. Гулевич и др. (2014), состоящая из 5 утверждений ($\alpha = 0,80$; например, «Все говорит о том, что наша жизнь в любой момент может превратиться в хаос») [1; 16]. Респонденты оценивали утверждения по 7-балльной шкале, где 1 — «абсолютно не согласен», 7 — «полностью согласен».

Для измерения переживания *социетальных угроз* (бедность ($\alpha = 0,86$) и

социально-экономическое неравенство ($\alpha = 0,88$)) использовалась переведенная на русский язык шкала финансовой угрозы, разработанная З. Марьянович и др. (2013) и адаптированная И.С. Прусовой и др. в предварительном исследовании, включающая 3 вопроса (например, «Насколько сильно вы переживаете из-за [проблемы]?») [28]. Респонденты отвечали на вопросы по 5-балльной шкале, где 1 — «совсем нет», а 5 — «очень сильно».

Для измерения *поддержки равного/неравного распределения доходов* использовалась переведенная на русский язык методика убеждений о неравенстве, разработанная Дж.Р. Ключель и Е.Р. Смит (1986) и адаптированная И.С. Прусовой и др. в предварительном исследовании, состоящая из 2-х субшкал: поддержка неравного распределения доходов (4 утверждения; $\alpha = 0,89$; например, «Равное распределение доходов сделает жизнь скучной, потому что все люди будут жить одинаково») и поддержка равного распределения доходов (3 утверждения; $\alpha = 0,78$; например, «Равное распределение доходов необходимо, так как потребности каждой семьи в еде, жилье и т.д. одинаковы») [27]. Респонденты оценивали утверждения по 7-балльной шкале, где 1 — «абсолютно не согласен», а 7 — «абсолютно согласен».

Для измерения *дохода* использовалась шкала из 14 категорий от «0» до «более 200000». Участникам исследования было необходимо отметить уровень дохода семьи.

Для измерения *образования* респондентам предлагалось отметить релевантный уровень — от «начального образования» до «два и более высших образования», соответствующий последней полученной ступени образования.

Результаты

Анализ данных проводился в RStudio с использованием процедур корреляционного и регрессионного анализа [35]. Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 1. Было получено, что поддержка как равного, так и неравного распределения доходов позитивно связана со страхом смерти. Однако поддержка неравного распределения доходов позитивно связана с верой в конкурентный мир и негативно — с переживанием угроз бедности и социально-экономического неравенства, в то время как поддержка политики равного распределения доходов позитивно связана с верой в опасный мир, переживанием угроз социально-экономического неравенства и бедности. Согласно результатам корреляционного анализа, переживания угроз бедности и социально-экономического неравенства позитивно связаны, и в том числе отмечаются положительные корреляции со страхом смерти и верой в опасный мир. В области социальных верований было обнаружено, что вера в опасный мир позитивно связана с верой в конкурентный мир и страхом смерти. Относительно социально-демографических характеристик можно отметить, что люди с более высоким доходом в большей мере поддерживают политику неравного распределения доходов и верят в «конкурентное» устройство мира. При этом мужчины в меньшей степени испытывают страх смерти, но в большей — верят в «конкурентное» устройство мира.

Для изучения вклада воспринимаемых угроз в поддержку политики равного и неравного распределения доходов использовалось моделирование структурными уравнениями (Structural equation modeling) (RStudio, lavaan, 06-

8) [35]. Для оценки параметров модели SEM использован метод максимального правдоподобия и оптимизатор NLMINB (Estimator ML, Optimization method NLMINB). Переменные модели рассматривались как латентные, измерение которых осуществлялось через оценку ряда наблюдаемых индикаторов посредством шкал. Для оценки качества модели учитывались значения ряда показателей: сравнительный индекс соответствия ($CFI \geq 0,90$), индекс Такера-Льюиса ($TLI \geq 0,90$), среднеквадратическая ошибка аппроксимации ($RMSEA < 0,06$), стандартизованный корень среднеквадратического остатка ($SRMR \leq 0,08$), отношение хи-квадрата к числу степеней свободы ($\chi^2/df < 3$) [37]. Результаты моделирования структурными уравнениями, представленные в табл. 2 и рисунке, показали, что исследуемая модель продемонстрировала хорошее соответствие данным $\chi^2(378) = 847$; $RMSEA = 0,046$ [0,042; 0,050]; $SRMR = 0,051$; $TLI = 0,937$; $CFI = 0,944$. В рамках исследования было получено, что вера в опасный мир вносит положительный вклад в поддержку равного распределения доходов ($\beta_{std} = 0,18$; $p = 0,001$), а вера в конкурентный мир — в поддержку неравного распределения доходов ($\beta_{std} = 0,37$; $p < 0,001$). Страх смерти вносит положительный вклад в поддержку политики неравного распределения доходов ($\beta_{std} = 0,13$; $p = 0,005$). Переживание угрозы социально-экономического неравенства вносит положительный вклад в поддержку политики равного распределения доходов ($\beta_{std} = 0,40$; $p < 0,001$). Относительно контрольных переменных отмечается положительный вклад только дохода в поддержку политики неравного распределения доходов ($\beta_{std} = 0,08$; $p = 0,043$).

Таблица 1
Описательные статистики и интеркорреляции между воспринимаемыми угрозами, принципами распределения доходов и социально-демографическими переменными

№	Переменные	M	SD	α	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Страх смерти	4,11	1,89	0,92									
2	Вера в опасный мир	4,32	1,30	0,84	0,22***								
3	Вера в конкурентный мир	3,29	1,27	0,80	0,06	0,17***							
4	Угроза бедности	3,11	0,91	0,86	0,25***	0,28***	-0,04						
5	Угроза неравенства	2,97	0,88	0,88	0,20***	0,31***	-0,03	0,74***					
6	Политика неравного распределения	3,40	1,58	0,89	0,10*	-0,01	0,32***	-0,12**	-0,16***				
7	Политика равного распределения	4,00	1,43	0,78	0,13**	0,25***	0,00	0,27***	0,33***	-0,24***			
8	Доход	4,02	1,24		0,02	-0,04	0,10*	-0,01	-0,06	0,13**	-0,14***		
9	Образование	3,60	1,11		0,02	-0,01	-0,03	0,02	0,06	-0,00	-0,07	0,22***	
10	Пол				0,12**	0,03	-0,11**	-0,02	-0,02	-0,03	0,01	-0,01	0,12**

Примечания. В оценке корреляций использован коэффициент г. Пирсона. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$. Пол (1 = Мужчины; 2 = Женщины); жирным шрифтом выделены статистически значимые коэффициенты корреляции между переменными.

Таблица 2
Вклад воспринимаемых угроз в поддержку политики равного и неравного распределения дохода

Независимые переменные	Поддержка неравного распределения					Поддержка равного распределения						
	<i>B</i>	<i>SE</i>	<i>CI</i>	<i>z</i>	<i>p</i>	<i>Bstd</i>	<i>B</i>	<i>SE</i>	<i>CI</i>	<i>z</i>	<i>p</i>	<i>Bstd</i>
Страх смерти	0,11	0,04	[0,03 ; 0,18]	2,83	0,005	0,13	0,03	0,03	[-0,03; 0,09]	0,98	0,327	0,05
Вера в опасный мир	-0,10	0,08	[-0,25; 0,06]	-1,24	0,216	-0,06	0,22	0,07	[0,09 ; 0,36]	3,28	0,001	0,18
Вера в конкурентный мир	0,69	0,10	[0,49 ; 0,90]	6,64	< 0,001	0,37	-0,05	0,07	[-0,19; 0,10]	-0,67	0,505	-0,04
Угроза бедности	0,09	0,20	[-0,29; 0,48]	0,48	0,629	0,05	-0,17	0,17	[-0,50; 0,15]	-1,05	0,292	-0,12
Угроза социально-экономического неравенства	-0,34	0,19	[-0,71; 0,02]	-1,83	0,067	-0,19	0,57	0,16	[0,26 ; 0,89]	3,54	< 0,001	0,40
Пол	0,00	0,12	[-0,24; 0,25]	0,01	0,990	0,00	-0,02	0,11	[-0,22; 0,19]	-0,17	0,868	-0,01
Доход	0,12	0,06	[0,00 ; 0,24]	2,02	0,043	0,08	-0,08	0,05	[-0,17; 0,02]	-1,61	0,108	-0,07
Образование	-0,03	0,05	[-0,13; 0,07]	-0,63	0,530	-0,03	-0,05	0,04	[-0,14; 0,03]	-1,21	0,228	-0,05
R ²	0,18					0,19						

Примечания: *B* – нестандартизированный регрессионный коэффициент, *SE* – стандартная ошибка, *CI* – 95% доверительный интервал, *z* – *z*-оценка, *p* – уровень значимости, *Bstd* – стандартизированный регрессионный коэффициент; жирным шрифтом выделены статистически значимые связи между переменными.

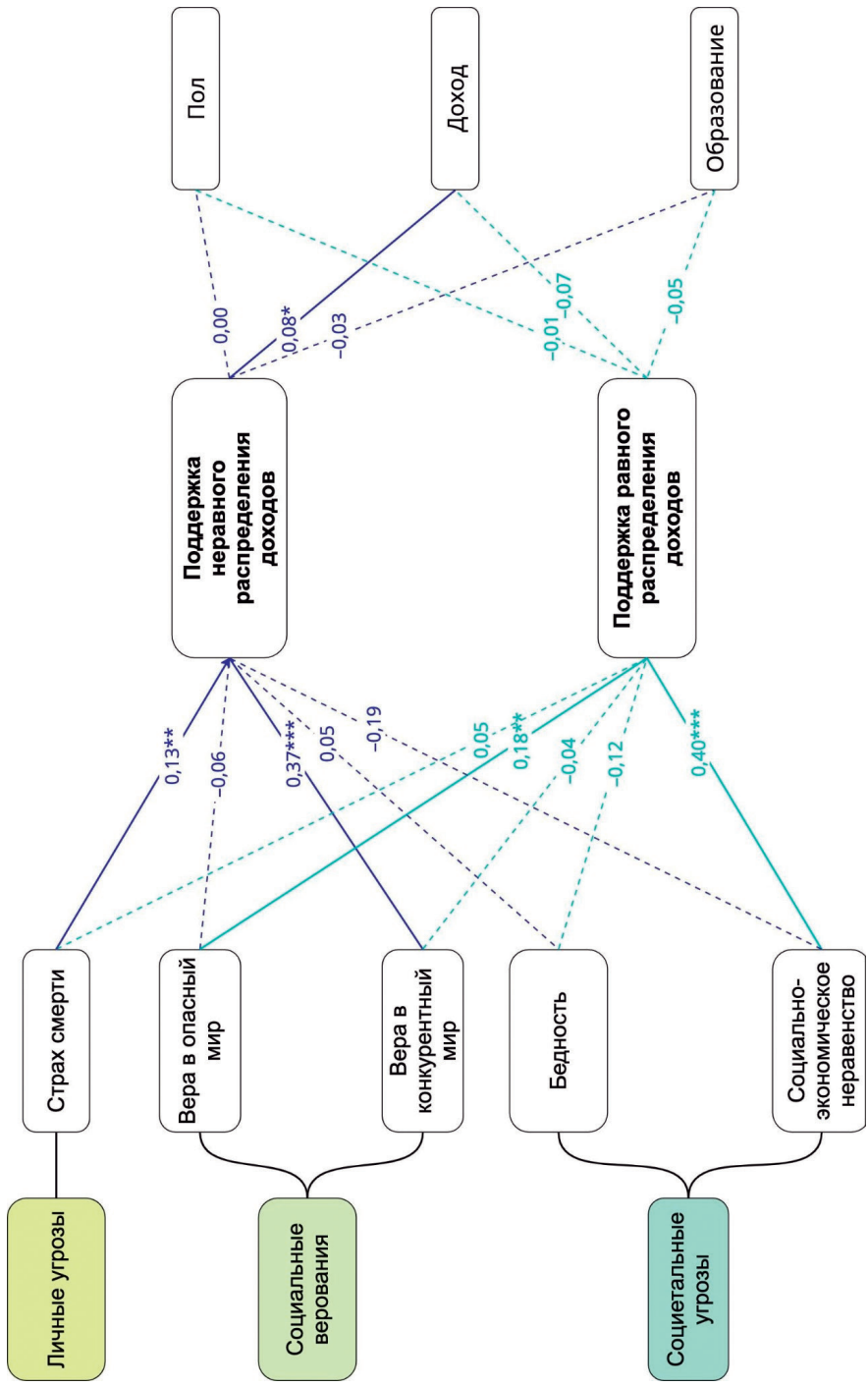

Рис. Вклад воспринимаемых угроз в поддержку политики равного и неравного распределения доходов

Обсуждение результатов

Цель настоящего исследования состояла в изучении вклада воспринимаемых угроз в поддержку политики равного и неравного распределения доходов. Было получено, что воспринимаемые угрозы приводят к поддержке разных принципов распределения: страх смерти и вера в конкурентный мир вносят положительный вклад в поддержку политики неравного распределения доходов, в то время как восприятие социетальных угроз и вера в опасный мир — политики равного распределения доходов.

Страх смерти как пример переживания личной угрозы вносит положительный вклад в поддержку политики неравного распределения доходов. Результаты прошлых исследований также свидетельствуют о том, что страх смерти приводит к поддержке неравенства, повышению привлекательности денег и статусных товаров [10; 25]. Неравенство выполняет компенсаторную функцию восстановления контроля, предлагая простые решения для «повышения» выживаемости благодаря большому количеству ресурсов при достижении высокого положения в социальной иерархии [21]. В рамках теории управления страхом смерти неравенство также можно рассматривать через перспективу культурного буфера, который включает культурное мировоззрение и самооценку. С одной стороны, принцип неравного распределения и меритократические ценности могут выступать основаниями культурного мировоззрения, которое в условиях страха смерти поляризуется, с другой — дополнительным источником для «поддержания» самооценки, предлагая простые решения для достижения успеха и воспринимаемой самоэффективности [10].

Социальные верования вносят вклад в поддержку разных принципов рас-

пределения доходов: вера в конкурентный мир вносит положительный вклад в поддержку неравного распределения доходов, в то время как вера в опасный мир — равного распределения доходов. Люди, воспринимающие мир как поле конкурентной борьбы за ресурсы, могут видеть в социальной иерархии потенциальную «защиту» в условиях социально-экономической нестабильности, которая предлагает простую систему координат и понятный механизм для достижения благополучия [22]. Такой способ организации отношений предполагает, что высокий статус предоставляет доступ к ресурсам, которые могут обеспечить безопасность от экономических угроз [16].

Для людей, представляющих мир как угрожающее и непредсказуемое место, политика равного распределения доходов может выступать гарантией социального порядка, стабильности, то есть простым решением для восстановления чувства безопасности [22]. Согласно результатам прошлых исследований, коллективные угрозы приводят к большей поддержке патернализма и контроля со стороны государства в разных сферах [33]. По данным опросов общественного мнения, в 2022 году в ситуации геополитических изменений большинство (55%) россиян поддержали идею о том, что государство должно сокращать различие в доходах между людьми [3].

При анализе вклада переживания социетальных угроз было получено, что только социально-экономическое неравенство вносит положительный вклад в поддержку политики равного распределения доходов. Полученные результаты могут свидетельствовать о большей актуальности представленной угрозы в сравнении с бедностью. Например, результаты опросов общественного мнения показывают, что при определении

ключевых страхов в 2023 году россияне отметили социально-экономическое неравенство [2]. В том числе для угрозы бедности альтернативные решения и установки могут быть более релевантными, как, например, политики перераспределения или патернализма [34]. В отношении угрозы социально-экономического неравенства результаты соотносятся с прошлыми исследованиями в поддержке политики перераспределения (более эффективное распределение богатства между гражданами) как одного из примеров про-эгалитарной политики [20; 36]. Возможность столкновения с угрозой социально-экономического неравенства может приводить к низкой готовности оценивать существующее неравенство как легитимное и справедливое и, как следствие, приводить к большей поддержке политики равного распределения доходов [24].

На основе полученных результатов можно сделать вывод, что ответ на воспринимаемые угрозы не является универсальным и напрямую зависит от специфики угрозы. Вера в конкурентный мир и страх смерти актуализируют стремление к материальной выгоде для защиты в условиях экономической нестабильности, и политика неравного распределения доходов выступает гарантией доступа к необходимым ресурсам [23]. Представление о мире как опасном и переживание угрозы социально-экономического неравенства вызывают большую поддержку политики равного распределения доходов, которая выступает доступным решением для сохранения социального порядка в условиях повышенной неопределенности [23]. Кроме того, в восприятии людей разные принципы распределения представляют не одно основание с разными полюсами, а независимые измерения социально-

го устройства. В российском контексте эгалитарные и меритократические ценности не являются взаимоисключающими, из-за чего люди могут одновременно поддерживать разные установки в ответ на воспринимаемые угрозы [38].

В рамках настоящего исследования можно выделить ряд ограничений и направлений для будущих исследований. Во-первых, в исследовании приняли участие люди с относительно низким уровнем социально-экономического статуса, что может быть связано с большей сензитивностью к вопросу распределения дохода [19]. Результаты прошлых исследований показывают, что люди с низким уровнем дохода в большей степени поддерживают политику равного распределения доходов [19]. В последующих исследованиях необходимо обратиться к расширению социально-экономических групп для анализа. Во-вторых, исследование проводилось в ситуации экономического кризиса, о чем свидетельствуют негативные тенденции на макроэкономическом уровне в виде роста инфляции и снижения темпов роста ВВП [6]. Это также могло привести к повышению роли рассматриваемых установок вне зависимости от рассматриваемых угроз [23]. Для анализа динамики выявленных связей требуется проведение лонгитюдных исследований с учетом социально-экономических показателей. В-третьих, в рамках исследования рассматривалось восприятие только бессубъектных экономических угроз на социальном уровне, для более комплексного анализа в последующих работах необходимо обратиться к анализу субъектных экономических угроз, в которых более отчетливо проявляется источник угрозы (мошенничество, санкции, финансовые пирамиды) [24]. В-четвертых, в исследовании рассматривались политики равного и

неравного распределения доходов, и перспективой для будущих исследований выступает анализ меритократических и эгалитарных ценностей россиян на уровне культурного мировоззрения для оценки поляризации в ситуации угрозы.

Выводы

На основе настоящего исследования можно сделать следующие выводы:

1. Политика равного распределения доходов позволяет справиться с переживанием социально-экономических угроз (социально-экономического неравенства) и представлением о мире как опасном месте. Принцип эгалитарного распределения доходов выступает гарантией социального порядка и стабильности, предлагая необходимые ресурсы для восстановления чувства безопасности.

2. Политика неравного распределения доходов позволяет справиться с переживанием личных угроз (страха смерти) и представлением о мире как конкурентом месте. Социальная иерархия предлагает простую систему координат, где обладание высоким статусом, с одной стороны, предполагает доступ к необходимым ресурсам для достижения преимуществ в ситуации конкуренции, а с другой стороны, выступает дополнительным источником для поддержания позитивного представления о себе для совладания с личными угрозами.

3. Принципы равного и неравного распределения доходов в российском контексте представляют не континуум, а автономные основания, что может свидетельствовать о специфике социально-экономического контекста.

Литература

1. Гулевич О.А., Анিকেенок О.А., Безменова И.К. Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Том 11. № 2. С. 68–89.
2. Индекс страхов – ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeks-strakhov> (дата обращения: 28.04.2024).
3. Неравенство доходов: мониторинг – Аналитический обзор ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neravenstvo-dokhodov-monitoring> (дата обращения: 28.04.2024).
4. Прусова И.С. Разработка методики для измерения представлений об идеальном государстве // Социальная психология и общество. 2021. Том. 12. № 3. С. 103–127. DOI:10.17759/sps.2021120308
5. Прусова И.С., Богатырева Н.И., Агадуллина Е.Р. Роль потребностей в поддержании легитимизирующих социально-политический статус-кво установок в российском контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Том 19. № 4. С. 781–797. DOI:10.22363/2313-1683-2022-19-4-781-797
6. Росстат представляет вторую оценку ВВП за 2022 год [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/F72U7n> (дата обращения: 24.06.2024).
7. Социальная справедливость: мониторинг – Аналитический обзор ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-spravedlivost-monitoring> (дата обращения: 29.04.2024).
8. Чистопольская К.А., Митина О.В., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Семикин Г.И., Озоль С.Н., Чубина С.А. Создание кратких русскоязычных версий опросников «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» // Суицидология. 2017. Т. 8. № 4(29). С. 43–55.
9. Agadullina E.R. The Role of Income in System Justification // Psychology in Russia: State of the Art. 2023. Vol. 16. № 1. P. 66–76. DOI:10.11621/PIR.2023.0104

10. Arndt J., Solomon S., Kasser T., Sheldon K.M. The Urge to Splurge: A Terror Management Account of Materialism and Consumer Behavior // *Journal of Consumer Psychology*. 2004. Vol. 14. № 3. P. 198–212. DOI:10.1207/s15327663jcp1403_2
11. Aspelund A., Lindeman M., Verkasalo M. Political Conservatism and Left – Right Orientation in 28 Eastern and Western European Countries // *Political Psychology*. 2013. Vol. 34. № 3. P. 409–417. DOI:10.1111/pops.12000
12. Burke B.L., Kosloff S., Landau M.J. Death goes to the polls: A meta-analysis of mortality salience effects on political attitudes // *Political Psychology*. 2013. Vol. 34. № 2. P. 183–200. DOI:10.1111/pops.12005
13. Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. et al. World Inequality Report 2022, World Inequality Lab [Electronic resource]. URL: wir2022.wid.world (дата обращения: 30.08.2024).
14. Cho Y., Fang Z., Sim N.C.S. Meritocratic beliefs and economic growth: A mediating effect of economic inequality // *Asia and the Global Economy*. 2023. Vol. 3. № 2. P. 1–9. DOI:10.1016/j.aglobe.2023.100072
15. Du H., King R.B. What predicts perceived economic inequality? The roles of actual inequality, system justification, and fairness considerations // *British Journal of Social Psychology*. 2022. Vol. 61. № 1. P. 19–36. DOI:10.1111/bjso.12468
16. Duckitt J., Wagner C., du Plessis I., Birum I. The psychological bases of ideology and prejudice: Testing a dual process model // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 83. № 1. P. 75–93. DOI:10.1037/0022-3514.83.1.75
17. Friesen J.P., Kay A.C., Eibach R.P., Galinsky A.D. Seeking structure in social organization: Compensatory control and the psychological advantages of hierarchy // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2014. Vol. 106. № 4. P. 590–609. DOI:10.1037/a0035620
18. Fritsche I. Agency Through the We: Group-Based Control Theory // *Current Directions in Psychological Science*. 2022. Vol. 31. № 2. P. 194–201. DOI:10.1177/09637214211068838
19. Garcia-Castro J.D., González R., Frigolett C., Jiménez-Moya G., Rodríguez-Bailón R., Willis G. Changing attitudes toward redistribution: The role of perceived economic inequality in everyday life and intolerance of inequality // *The Journal of social psychology*. 2023. Vol. 163. № 4. P. 566–581. DOI:10.1080/00224545.2021.2006126
20. Gimpelson V., Treisman D. Misperceiving inequality // *Economics & Politics*. 2018. Vol. 30. № 1. P. 27–54. DOI:10.1111/ecpo.12103
21. Goode C., Keefer L.A., Molina L.E. A compensatory control account of meritocracy // *Journal of Social and Political Psychology*. 2014. Vol. 2. № 1. P. 313–334. DOI:10.5964/jssp.v2i1.372
22. Jost J.T. Left and right: The psychological significance of a political distinction. Oxford University Press, 2021. P. 392.
23. Jost J.T., Stern C., Rule N.O., Sterling J. The politics of fear: Is there an ideological asymmetry in existential motivation? // *Social cognition*. 2017. Vol. 35. № 4. P. 324–353. DOI:10.1521/soco.2017.35.4.324
24. Kahn D.T., Bjorklund F., Hirschberger G. The Intent and Extent of Collective Threats: A Data-Driven Conceptualization of Collective Threats and Their Relation to Political Preferences // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2022. Vol. 151. № 5. P. 1178–1198. DOI:10.1037/xge0000868
25. Kasser T., Sheldon K.M. Of wealth and death: materialism, mortality salience, and consumption behavior // *Psychological science*. 2000. Vol. 11. № 4. P. 348–351. DOI:10.1111/1467-9280.00269
26. Kay A.C., Gaucher D., Napier J.L., Callan M.J., Laurin K. God and the Government: Testing a Compensatory Control Mechanism for the Support of External Systems // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 95. № 1. P. 18–35. DOI:10.1037/0022-3514.95.1.18
27. Kluegel J.R., Smith E.R. Beliefs about Inequality: Americans' Views of What Is and What Ought to Be. Social Institutions and Social Change. New York: A. de Gruyter, 1986. P. 342.

28. *Marjanovic Z., Greenglass E.R., Fiksenbaum L., Bell C.M.* Psychometric evaluation of the Financial Threat Scale (FTS) in the context of the great recession // *Journal of Economic Psychology*. 2013. Vol. 36. P. 1–10. DOI:10.1016/j.joep.2013.02.005
29. *Marketing Democracy: Changing Opinion about Inequality and Politics in East Central Europe.* Mason D.S., Kluegel J.R. (eds.). Rowman & Littlefield Publishers, 2000. P. 302.
30. *Nilsson A., Jost J.T.* The authoritarian-conservatism nexus // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020. Vol. 34. P. 148–154. DOI:10.1016/j.cobeha.2020.03.003
31. *Ovuamalam C.K., Caricati L., Rubin M., Matos A.S., Spears R.* Why do women support socio-economic systems that favour men more? A registered test of system justification- and social identity-inspired hope explanations // *European Journal of Social Psychology*. 2021. Vol. 51. № 7. P. 1073–1095. DOI:10.1002/ejsp.2754
32. *Polacko M.* Causes and Consequences of Income Inequality – An Overview // *Statistics, Politics and Policy*. 2021. Vol. 12. № 2. P. 341–357. DOI:10.1515/spp-2021-0017
33. *Prusova I.S., Gulevich O.A.* The effect of mortality salience on the attitudes toward state control: The case of Russia // *International Journal of Psychology*. 2020. Vol. 55. № 2. P. 305–314. DOI:10.1002/ijop.12571
34. *Ronaghi M., Scorsone E.* The Impact of Governance on Poverty and Unemployment Control Before and After the Covid Outbreak in the United States // *Journal of Poverty*. 2023. Vol. 28. № 1. P. 1–21. DOI:10.1080/10875549.2023.2173708
35. *Rosseel Y.* Journal of Statistical Software lavaan: An R Package for Structural Equation Modeling // *Journal of Statistical Software*. 2012. Vol. 48. № 2. P. 1–36. DOI:10.18637/jss.v048.i02
36. *Schmidt-Catran A.W.* Economic inequality and public demand for redistribution: Combining cross-sectional and longitudinal evidence // *Socio-Economic Review*. 2016. Vol. 14. № 1. P. 119–140. DOI:10.1093/ser/mwu030
37. *Schreiber J.B., Nora A., Stage F.K., Barlow E.A., King J.* Reporting Structural Equation Modeling and Confirmatory Factor Analysis Results: A Review // *The Journal of Educational Research*. 2006. Vol. 99. № 6. P. 323–338. DOI:10.3200/JOER.99.6.323-338
38. *Smith M.L., Matějů P.* Two decades of value change: The crystallization of meritocratic and egalitarian beliefs in the Czech Republic // *Social Justice Research*. 2012. Vol. 25. P. 421–439. DOI:10.1007/s11211-012-0164-9
39. *Vargas-Salfate S., Paez D., Khan S.S., Liu J.H., Gil de Zúñiga H.* System justification enhances well-being: A longitudinal analysis of the palliative function of system justification in 18 countries // *The British journal of social psychology*. 2018. Vol. 57. № 3. P. 567–590. DOI:10.1111/bjso.12254
40. *Wienk M.N.A., Buttrick N.R., Oishi S.* The social psychology of economic inequality, redistribution, and subjective well-being // *European Review of Social Psychology*. 2022. Vol. 33. № 1. P. 45–80. DOI:10.1080/10463283.2021.1955458
41. *Wong P.T.P., Reker G.T., Gesser G.* Death Attitude Profile – Revised: A multidimensional measure of attitudes toward death. In R.A. Neimeyer (Ed.) // *Death anxiety handbook: Research, instrumentation, and application*. Taylor & Francis, 1994. P. 121–148. DOI:10.4324/9781315800813

References

1. Gulevich O.A., Anikeenok O.A., Bezmenova I.K. Sotsial'nye verovaniya: adaptatsiya metodik Dzh. Dakkita [Social Beliefs: Adaptation of J. Duckitt's Scales]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2014. Vol. 11, no. 2, pp. 68–89. (In Russ.).
2. Индекс strakhov – VCIOM [Elektronnyj resurs] [Fears index]. Available at: <https://wciom.ru/ratings/indeks-strakhov> (Accessed 28.04.2024). (In Russ.).

3. Neravenstvo dokhodov: monitoring — Analiticheskii obzor VCIOM [Elektronnyi resurs] [Income inequality: monitoring]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neravenstvo-dokhodov-monitoring> (Accessed 28.04.2024). (In Russ.).
4. Prusova I.S. Razrabotka metodiki dlya izmereniya predstavlenii ob ideal'nom gosudarstve [Developing a methodology for measuring perceptions of the ideal state]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 103–127. DOI:10.17759/sps.2021120308 (In Russ.).
5. Prusova I.S., Bogatyreva N.I., Agadullina E.R. Rol' potrebnosti v podderzhanii legitimiziruyushchikh sotsial'no-politicheskii status-kvo ustanovok v rossiiskom kontekste [The role of needs in maintaining attitudes that legitimize the socio-political status quo in Russia]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2022. Vol. 19, no. 4, pp. 781–797. (In Russ.).
6. Rosstat predstavlyaet vtoruyu otsenku VVP za 2022 god [Elektronnyj resurs] [Rosstat resents the second GDP estimate for 2022 year]. URL: <https://goo.su/F72U7n> (Accessed 24.06.2024). (In Russ.).
7. Sotsial'naya spravedlivost': monitoring — Analiticheskii obzor VCIOM [Elektronnyi resurs] [Social justice: monitoring]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaya-spravedlivost-monitoring> (Accessed 29.04.2024). (In Russ.).
8. Sozdanie kratkikh russkoyazychnykh versii oprosnikov «Otnoshenie k smerti» i «Strakh lichnoi smerti» [Construction of short russian versions of death attitude profile-revised and fear of personal death scale]. Chistopol'skaya K.A., Mitina O.V., Enikolopov S.N., Nikolaev E.L., Semikin G.I., Ozol' S.N., Chubina S.A. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2017. Vol. 8, no. 4(29), pp. 43–55. (In Russ.).
9. Agadullina E.R. The Role of Income in System Justification. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2023. Vol. 16, no. 1, pp. 66–76. DOI:10.11621/PIR.2023.0104
10. The Urge to Splurge: A Terror Management Account of Materialism and Consumer Behavior. Arndt J., Solomon S., Kasser T., Sheldon K.M. *Journal of Consumer Psychology*, 2004. Vol. 14, no. 3, pp. 198–212. DOI:10.1207/s15327663jcp1403_2
11. Aspelund A., Lindeman M., Verkasalo M. Political Conservatism and Left – Right Orientation in 28 Eastern and Western European Countries. *Political Psychology*, 2013. Vol. 34, no. 3, pp. 409–417. DOI:10.1111/pops.12000
12. Burke B.L., Kosloff S., Landau M.J. Death goes to the polls: A meta-analysis of mortality salience effects on political attitudes. *Political Psychology*, 2013. Vol. 34, no. 2, p. 183–200. DOI:10.1111/pops.12005
13. World Inequality Report 2022, World Inequality Lab [Electronic resource]. Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. et al. URL: wir2022.wid.world (Accessed 30.08.2024).
14. Cho Y., Fang Z., Sim N.C.S. Meritocratic beliefs and economic growth: A mediating effect of economic inequality. *Asia and the Global Economy*, 2023. Vol. 3, no. 2, pp. 1–9. DOI:10.1016/j.aglobe.2023.100072
15. Du H., King R.B. What predicts perceived economic inequality? The roles of actual inequality, system justification, and fairness considerations. *British Journal of Social Psychology*, 2022. Vol. 61, no. 1, pp. 19–36. DOI:10.1111/bjso.12468
16. The psychological bases of ideology and prejudice: Testing a dual process model. Duckitt J., Wagner C., du Plessis I., Birum I. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2002. Vol. 83, no. 1, pp. 75–93. DOI:10.1037/0022-3514.83.1.75
17. Seeking structure in social organization: Compensatory control and the psychological advantages of hierarchy. Friesen J.P., Kay A.C., Eibach R.P., Galinsky A.D. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2014. Vol. 106, no. 4, pp. 590–609. DOI:10.1037/a0035620
18. Fritsche I. Agency Through the We: Group-Based Control Theory. *Current Directions in Psychological Science*, 2022. Vol. 31, no. 2, pp. 194–201. DOI:10.1177/09637214211068838

19. Changing attitudes toward redistribution: The role of perceived economic inequality in everyday life and intolerance of inequality. García-Castro J.D., González R., Frigolett C., Jiménez-Moya G., Rodríguez-Bailón R., Willis G. *The Journal of social psychology*, 2023. Vol. 163, no. 4, pp. 566–581. DOI:10.1080/00224545.2021.2006126
20. Gimpelson V., Treisman D. Misperceiving inequality. *Economics & Politics*, 2018. Vol. 30, no. 1, pp. 27–54. DOI:10.1111/ecpo.12103
21. Goode C., Keefer L.A., Molina L.E. A compensatory control account of meritocracy. *Journal of Social and Political Psychology*, 2014. Vol. 2, no. 1, pp. 313–334. DOI:10.5964/jssp.v2i1.372
22. Jost J.T. Left and right: The psychological significance of a political distinction. Oxford University Press, 2021. 392 p.
23. The politics of fear: Is there an ideological asymmetry in existential motivation? Jost J.T., Stern C., Rule N.O., Sterling J. *Social cognition*, 2017. Vol. 35, no. 4, pp. 324–353. DOI:10.1521/soco.2017.35.4.324
24. Kahn D.T., Bj rklund F., Hirschberger G. The Intent and Extent of Collective Threats: A Data-Driven Conceptualization of Collective Threats and Their Relation to Political Preferences. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2022. Vol. 151, no. 5, pp. 1178–1198. DOI:10.1037/xge0000868
25. Kasser T., Sheldon K.M. Of wealth and death: materialism, mortality salience, and consumption behavior. *Psychological science*, 2000. Vol. 11, no. 4, pp. 348–351. DOI:10.1111/1467-9280.00269
26. God and the Government: Testing a Compensatory Control Mechanism for the Support of External Systems. Kay A.C., Gaucher D., Napier J.L., Callan M.J., Laurin K. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008. Vol. 95, no. 1, pp. 18–35. DOI:10.1037/0022-3514.95.1.18
27. Kluegel J.R., Smith E.R. Beliefs about Inequality: Americans' Views of What Is and What Ought to Be. Social Institutions and Social Change. New York: A. de Gruyter, 1986. 342 p.
28. Psychometric evaluation of the Financial Threat Scale (FTS) in the context of the great recession. Marjanovic Z., Greenglass E.R., Fiksenbaum L., Bell C.M. *Journal of Economic Psychology*, 2013. Vol. 36, pp. 1–10. DOI:10.1016/j.joep.2013.02.005
29. Marketing Democracy: Changing Opinion about Inequality and Politics in East Central Europe. Mason D.S., Kluegel J.R. (eds.). Rowman & Littlefield Publishers, 2000. 302 p.
30. Nilsson A., Jost J.T. The authoritarian-conservatism nexus. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 2020. Vol. 34, pp. 148–154. DOI:10.1016/j.cobeha.2020.03.003
31. Why do women support socio-economic systems that favour men more? A registered test of system justification- and social identity-inspired hope explanations. Owuamalam C.K., Caricati L., Rubin M., Matos A.S., Spears R. *European Journal of Social Psychology*, 2021. Vol. 51, no. 7, pp. 1073–1095. DOI:10.1002/ejsp.2754
32. Polacko M. Causes and Consequences of Income Inequality – An Overview. *Statistics, Politics and Policy*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 341–357. DOI:10.1515/spp-2021-0017
33. Prusova I.S., Gulevich O.A. The effect of mortality salience on the attitudes toward state control: The case of Russia. *International Journal of Psychology*, 2020. Vol. 55, no. 2, pp. 305–314. DOI:10.1002/ijop.12571
34. Ronaghi M., Scorsone E. The Impact of Governance on Poverty and Unemployment Control Before and After the Covid Outbreak in the United States. *Journal of Poverty*, 2023. Vol. 28, no. 1, pp. 1–21. DOI:10.1080/10875549.2023.2173708
35. Rosseel Y. Journal of Statistical Software lavaan: An R Package for Structural Equation Modeling. *Journal of Statistical Software*, 2012. Vol. 48, no. 2, pp. 1–36. DOI:10.18637/jss.v048.i02
36. Schmidt-Catran A.W. Economic inequality and public demand for redistribution: Combining cross-sectional and longitudinal evidence. *Socio-Economic Review*, 2016. Vol. 14, no. 1, pp. 119–140. DOI:10.1093/ser/mwu030

37. Reporting Structural Equation Modeling and Confirmatory Factor Analysis Results: A Review. Schreiber J.B., Nora A., Stage F.K., Barlow E.A., King J. *The Journal of Educational Research*, 2006. Vol. 99, no. 6, pp. 323–338. DOI:10.3200/JOER.99.6.323-338
38. Smith M.L., Matějů P. Two decades of value change: The crystallization of meritocratic and egalitarian beliefs in the Czech Republic. *Social Justice Research*, 2012. Vol. 25, pp. 421–439. DOI:10.1007/s11211-012-0164-9
39. System justification enhances well-being: A longitudinal analysis of the palliative function of system justification in 18 countries. Vargas-Salfate S., Paez D., Khan S.S., Liu J.H., Gil de Zúñiga H. *The British journal of social psychology*, 2018. Vol. 57, no. 3, pp. 567–590. DOI:10.1111/bjso.12254
40. Wienk M.N.A., Buttrick N.R., Oishi S. The social psychology of economic inequality, redistribution, and subjective well-being. *European Review of Social Psychology*, 2022. Vol. 33, no. 1, pp. 45–80. DOI:10.1080/10463283.2021.1955458
41. Wong P.T.P., Reker G.T., Gesser G. Death Attitude Profile – Revised: A multidimensional measure of attitudes toward death. In R.A. Neimeyer (Ed.). *Death anxiety handbook: Research, instrumentation, and application*. Taylor & Francis, 1994, pp. 121–148. DOI:10.4324/9781315800813

Информация об авторах

Прусова Ирина Сергеевна, кандидат психологических наук, заместитель руководителя Департамента психологии, доцент Департамента психологии, заведующий Научно-учебной лабораторией психологии социального неравенства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Горохова Анна Сергеевна, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории психологии социального неравенства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0318-5755>, e-mail: asgorokhova@edu.hse.ru

Information about the authors

Irina S. Prusova, PhD in Psychology, Deputy Head of School of Psychology, Associate Professor of School of Psychology, Head of Lab for Psychology of Social Inequality, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Anna S. Gorokhova, Research Intern in Lab for Psychology of Social Inequality, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0318-5755>, e-mail: asgorokhova@edu.hse.ru

Получена 30.04.2024

Принята в печать 11.03.2025

Received 30.04.2024

Accepted 11.03.2025